

УДК: 327-5

DOI: 10.24411/1026-8804-2018-00017

Китай в общественном мнении жителей Тихоокеанской России (по итогам опроса 2017 г.)

Виктор Лаврентьевич Ларин,

доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий Центром азиатско-тихоокеанских исследований Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: victorlar@mail.ru

Лилия Львовна Ларина,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая лабораторией изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: lilylar25@mail.ru

В статье представлены результаты социологического исследования, проведённого весной — летом 2017 г. среди жителей четырёх территорий Дальневосточного федерального округа — Приморского, Камчатского и Магаданского краёв и Сахалинской области. Более 1100 человек были опрошены на предмет их отношения к Китаю и китайцам. Проанализировав по нескольким параметрам полученные ответы, касающиеся ряда стран и народов мира, авторы констатируют, что КНР по уровню общей привлекательности по-прежнему не занимает лидирующих позиций, но рейтинг и популярность страны последовательно растут. Приморцы считают Китай приоритетным направлением для развития экономического взаимодействия, в то время как сахалинцы, магаданцы и камчадалы отдают первенство сибирским и дальневосточным территориям России и Японии. Жители региона уверены в благоприятном развитии российско-китайских отношений, надеются на увеличение объёма инвестиций КНР в местную экономику, стали толерантнее относиться к присутствию в РФ китайских рабочих и предпринимателей. В то же время часть населения продолжает рассматривать Китай как угрозу. В статье анализируются источники, на основании которых у дальневосточников складываются представления

о КНР, оценивается степень толерантности респондентов и их готовности к культурному взаимодействию с китайцами. Наиболее интересные результаты анкетирования рассматриваются через призму гендерных и возрастных различий и территории проживания опрошенных.

Ключевые слова: общественное мнение, Китай, китайцы, Тихоокеанская Россия.

Public Opinion of the Inhabitants of Pacific Russia toward China (According to Survey 2017).

Viktor Larin, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: victorlar@mail.ru.

Liliia Larina, Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: lilylar25@mail.ru.

The article presents the results of an opinion poll conducted in spring and summer 2017 in four regions of the Far Eastern District: the Primorsky Region, the Kamchatka Region, the Magadan Region and the Sakhalin Region. More than one thousand and one hundred people were asked about their attitude toward China and Chinese. According to the results, the authors come to the conclusion that China doesn't hold leading positions in terms of general popularity. However, its position in this rating is strengthening consistently. The people of the Primorsky Territory consider China the top priority to develop economic relations, while the inhabitants of the Sakhalin, Kamchatka and Magadan Territories give preference to the Siberian and Far Eastern Territories of Russia and Japan. People are confident in the favorable development of Russian-Chinese relations, they hope for Chinese investments in local economy and demonstrate growing tolerance toward the presence of Chinese workers and businessmen in Russia. At the same time, the survey shows that some people continue to consider China as a threat. The article examines the sources which help the people of the Far East to have the image of China, evaluates the level of tolerance of respondents and their willingness for cultural cooperation with Chinese. The most interesting results are analyzed through the lenses of gender, age and territory of residence.

Keywords: public opinion, China, Chinese, Pacific Russia.

ВВЕДЕНИЕ

В силу различных политических и экономических процессов, проходивших в России в последние два десятилетия, значительная часть жителей Дальневосточного федерального округа не только была в той или иной степени вовлечена в международные отношения на региональном уровне, но и сегодня в немалой степени

определяет содержание, глубину и направленность приграничных и региональных контактов. Соответственно, от взглядов этого населения на внешнее окружение, на современных и потенциальных партнёров и соперников, от его предрасположенности к одним странам и народам, антипатии к другим в немалой степени зависит будущее международных связей Тихоокеанской России.

Представления о КНР и её жителях являются важным фактором, который оказывает влияние как на формирование китайской политики РФ, так и на характер отношений, складывающихся между соседними территориями двух государств. Поэтому закономерно, что данная тема постоянно находится в центре внимания лаборатории изучения общественного мнения Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, в той или иной степени фигурировала в большинстве опросов лаборатории, проводившихся с 1993 г., и отражена в публикациях и выступлениях на конференциях как в России, так и в Китае и других странах региона [7; 8; 9; 12, с. 290—306; 25].

Социологические замеры отношения дальневосточников к государствам и народам, прежде всего к КНР и китайцам, периодически предпринимались и в масштабе России [1; 2; 5; 6], и в пределах сибирских и дальневосточных территорий [4; 11; 16; 14; 20]. Особо популярными были такие исследования в период активной китайской миграции в РФ, когда широко тиражировались и распространялись страшилки о её массовости, а также об экономической и демографической экспансии Китая на российском Дальнем Востоке. В большинстве своём высказываемые опасения не подтверждались, но и не снимали остроту существовавших проблем. К концу первого десятилетия нового века такие разговоры пошли на спад, по мере того как становилась очевидной несостоятельность алармистских прогнозов о доминировании китайцев в Сибири и подпадании восточных районов РФ под пяту влияния КНР.

Однако эти обстоятельства отнюдь не делают приграничное сотрудничество России и Китая более простым и прогнозируемым. Возрастание политического влияния Пекина на процессы, происходящие в Северо-Восточной Евразии и на всём Евразийском континенте (достаточно сослаться на популярнейшую китайскую Инициативу Пояса и Пути, которая уже обросла множеством интерпретаций во всём мире), заметная роль Китая в экономической жизни Тихоокеанской России¹, год от года крепнущий гуманитарный

¹ Доля Китая во внешней торговле Тихоокеанской России составила в 2016 г. 23,7%, а в 2017 г. — 23,3%.

обмен между соседними территориями² РФ и КНР актуализируют задачу академического анализа процессов восприятия и оценки Китая и китайцев, интерпретации их образов в сознании населения Тихоокеанской России. С другой стороны, сложившийся в последние годы алгоритм социально-экономического развития этой территории РФ не оставляет дальневосточникам выбора, подталкивает их, даже вопреки подсознательным подозрениям в отношении «коварных замыслов Пекина», о которых вещают западные, московские и некоторые региональные «эксперты», делать свой выбор в пользу КНР, разными способами «голосовать» за самые тесные отношения с этой географически близкой, цивилизационно далёкой, но очень манящей к себе своей энергией, целеустремлённостью и результативностью страной.

Понимание важности психологического фактора в развитии российско-китайских приграничных и региональных связей, а также заинтересованность в получении объективных знаний об отношении дальневосточников к Китаю и его жителям со стороны Генерального консульства КНР в г. Владивостоке в совокупности стали поводом к организации очередного социологического опроса, который прошёл в мае — сентябре 2017 г. в нескольких субъектах Дальневосточного федерального округа. В результате впервые удалось провести исследование о Китае на отдалённых от него северных территориях. География и демография представлены в табл. 1, доля опрошенных по субъектам РФ была установлена пропорционально численности их населения.

Таким образом, есть возможность сопоставить взгляды людей, живущих буквально на границе с Китаем, с одной стороны, и на расстоянии тысяч километров от него — с другой. У 2/3 респондентов (а на Камчатке — 3/4) высшее образование. Перекос обусловлен самой темой опроса и его задачами: именно подобные лица влияют на решения в области внешней и экономической политики государства и связей территорий с разными странами или сами принимают их.

Все результаты представлены в процентах от общего числа опрошенных, если не указывается иное. В некоторых случаях, когда респондентам была дана возможность выбрать более одного ответа, совокупные данные могут превышать 100%. Курсивом в тексте выделены вопросы из анкеты, а также формулировки ответов, предложенные организаторами исследования.

² В 2017 г. только в Приморском крае побывали 420 тыс. китайских туристов, что превратило его в один из главных центров иностранного туризма в РФ.

Таблица 1

Выборка респондентов

	Все территории	Приморский край	Камчатский край	Сахалинская область	Магаданская область
Города и посёлки		Владивосток, Уссурийск, Находка, Артём, Пограничный, Краскино	Петропавловск-Камчатский, Елизово	Южно-Сахалинск, Корсаков	Магадан
Количество опрошенных	1145	612	180	203	150
Процент от общего числа опрошенных	100	53	16	18	13
Процентное соотношение м/ж	48/52	50/50	49/51	42/58	47/53
Возраст:					
до 20 лет	5	5	5	4	5
20—30	15	17	13	16	15
31—40	22	22	24	21	23
41—50	17	17	16	18	20
51—60	18	17	17	17	23
старше 60	22	22	25	24	14
Образование:					
среднее	8	7	10	10	7
среднее специальное	18	20	13	16	19
неполное высшее	6	8	2	5	5
высшее	66	63	74	67	65

КИТАЙ В КОНТЕКСТЕ ОБЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

Первый вопрос, с которого традиционно начинается анкета, нацелен на выявление общих симпатий респондентов к тем или иным странам мира, их туристических, трудовых и миграционных предпочтений (табл. 2). Отвечая на вопрос «*Какая страна вызывает у Вас наибольшие симпатии?*», жители региона безоговорочно поставили на первое место Россию (56%). Среди зарубежных государств лидирует Япония (37%), за ней идут Австралия и Китай (по 26%).

Таблица 2

**Интерес и симпатии респондентов к странам мира
(в процентах от числа опрошенных, возможно не более 3 ответов)**

	Наибольшие симпатии	Туризм	Работа	Постоянное проживание	Рейтинг
1	Россия (56)	Япония (44)	Россия (65)	Россия (74)	Россия (221)
2	Япония (37)	Франция (37)	Канада (19)	Канада (16)	Япония (103)
3	Австралия (26)	Индия (32)	Германия (18)	Австралия (15)	Австралия (84)
4	КНР (26)	Австралия (30)	США (16)	Германия (10)	Франция (71)
5	Франция (19)	Россия (26)	Австралия (13)	США (9)	Канада (63)
6	Канада (18)	КНР (22)	Япония (13)	Япония (9)	Германия (60)
7	Южная Корея (18)	Германия (15)	Южная Корея (9)	Франция (8)	КНР (57)
8	Германия (17)	Южная Корея (15)	Франция (7)	КНР (3)	Индия (47)
9	Индия (13)	США (12)	КНР (6)	Южная Корея (3)	США (47)
10	США (10)	Канада (10)	Индия (1)	Индия (1)	Южная Корея (45)
11	КНДР (5)	КНДР (6)	КНДР (1)	КНДР (1)	КНДР (13)

Столь высокое место КНР обеспечено настроениями жителей Приморского края (29%) и Сахалина (27%). В Магадане Китаю симпатизирует 21% (4—5 место с Францией среди зарубежных государств), а на Камчатке — только 16% (7 место).

Мужчинам Китай нравится в несколько большей степени, чем женщинам (29 против 22%). Среди респондентов старше 60 лет тех, кого привлекает КНР, в два раза больше, чем среди молодёжи

в возрасте до 20 лет (34 и 16% соответственно). Также о симпатиях к Китаю заявила третья часть (34%) респондентов, которые причислили себя к категории «руководители».

Китай пока не стал привлекательным для большей части населения региона как объект туризма. Лишь 22% находят его наиболее интересным для таких поездок. Наименьший интерес проявляют камчадалы (15%), наибольший — жители Приморского края (рис. 1). На этом фоне выделяются приграничные посёлки Пограничный и Краскино в Приморье, где туризмом в КНР интересуются 40% респондентов.

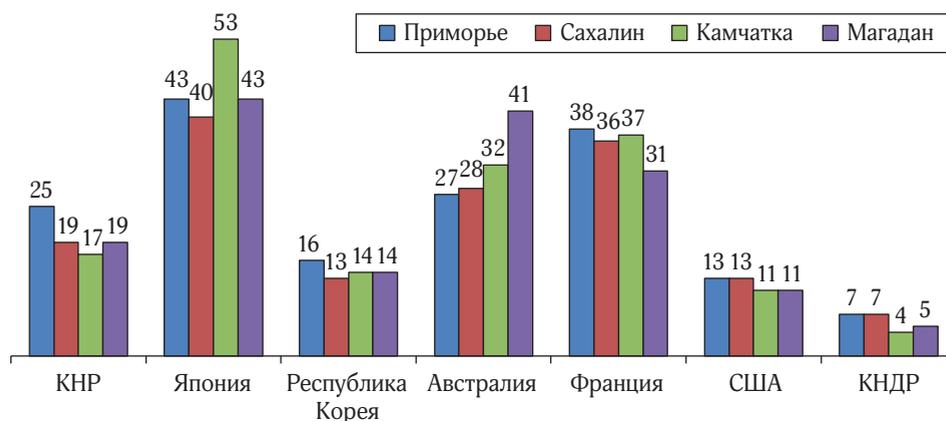

Рис. 1. Интерес к туризму в страны мира (по территориям Тихоокеанской России, в процентах от числа опрошенных)

Список городов и мест КНР, которые хотели бы посетить респонденты (это были инициативные ответы), включает всего полтора десятка названий, среди которых доминируют Пекин, Шанхай, Харбин, Далянь и Гонконг, что явно свидетельствует об ограниченных представлениях дальневосточников о туристических достопримечательностях страны.

Трудиться и жить опрошенные предпочитают в России (65 и 74%). Китай не привлекает их ни в первом (только 6% выразили желание временно поработать в КНР), ни во втором (3%) случае. Германия, Канада и США (их выбрали от 16 до 22% респондентов) кажутся наиболее интересными местами для работы вне России. Канада и Австралия (16 и 15%) обгоняют другие страны как место потенциальной эмиграции. Среди молодежи до 20 лет обнаруживается самый высокий процент желающих поработать в Китае (14%), хотя в их шкале приоритетов также доминируют Россия (54%), США (33%) и Германия (32%). Иных заметных различий по возрастному, гендерному, территориальному признакам не обнаруживается.

Сравнение данных опроса 2017 г. с предшествующими исследованиями, во-первых, демонстрирует близкое сходство полученных результатов, во-вторых, показывает поступательный рост симпатий к Китаю в зоне Тихоокеанской России: с 4% в 1995 г. до 16% в 2010 и 25—26% в 2016—2017 гг. [12, с. 297—298].

Выбор КНР в качестве самой привлекательной страны обосновывают, прежде всего, интересом к её *культурным традициям*, затем следуют *уровень экономического развития* и *дружелюбие и гостеприимство* китайского народа (рис. 2). Прочие факторы отмечали менее 10% опрошенных. Небольшая группа респондентов (3%) не смогла объяснить причину своих симпатий.

Рис. 2. Причины симпатий жителей Тихоокеанской России к Китаю (в процентах от числа выразивших свои симпатии)

Симпатии к другим странам Востока — Японии и Южной Корее — дальневосточники аргументируют несколько иначе: в первую очередь уровнем экономического развития государств, а потом уже интересом к их культурным традициям.

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Рост симпатий граждан РФ к КНР в немалой степени объясняется их представлениями о высоком качестве российско-китайских отношений. Почти 2/3 респондентов (64%) признали их *хорошими*, 26% — *удовлетворительными* и только 1% — *плохими* (рис. 3). При этом отношения с Южной Кореей назвали *хорошими* 25%, Японией — 18%, а с США только 2% респондентов³.

³ Данные опроса, проведенного в России Фондом общественного мнения 9 июля 2017 г., практически идентичны: 62% граждан считают, что у РФ сегодня наиболее близкие, дружественные отношения с КНР, 13% назвали Японию и 2% — США [10].

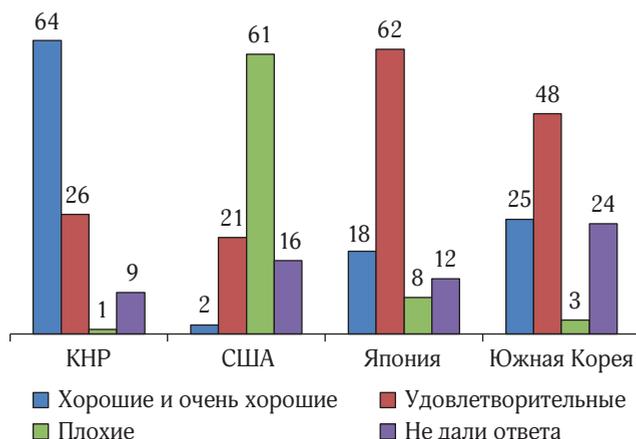

Рис. 3. Оценка современных отношений России со странами АТР (в процентах от числа опрошенных)

Жители Приморья и Магадана выше оценивают современные российско-китайские отношения (69 и 68% назвали их *хорошими*), чем сахалинцы (57%) и камчадалы (52%). Больше всего оптимистов обнаруживается среди *руководителей* (78% использовали определение *хорошие*), а вот *предприниматели* осторожнее: *хорошими* признали отношения 54% из них, а *удовлетворительными* — 38%.

Затруднились дать оценку состоянию российско-китайских отношений 19% респондентов, которым не исполнилось 20 лет. Такие сложности молодёжь испытывала в ходе заполнения анкеты не раз, и поэтому она воздерживалась от ответов на многие вопросы заметно чаще, чем представители иных возрастных групп.

При оценивании качества российско-китайских отношений более половины респондентов (54%) согласились, что их можно именовать отношениями *стратегического партнёрства*, а 41% — *добрососедскими* (рис. 4). Жители Приморья (47%) заметно чаще использовали эпитет *добрососедские*, чем сахалинцы (39%), магаданцы (33%) и камчадалы (31%). Самый высокий процент выбравших *взаимное недоверие* в качестве характеристики российско-китайских отношений (8%) оказался среди *предпринимателей*. Однако у них, а также *руководителей* обнаруживается и самая высокая доля тех, кто назвал эти отношения *стратегическим партнёрством* (62 и 63%).

Столь же оптимистично дальневосточники смотрят на перспективы отношений России с Китаем (рис. 5).

Более 2/3 (68%) респондентов считают их *хорошими и очень хорошими*, и только 2% — *плохими*. На отношения с другими странами региона, особенно с Соединёнными Штатами Америки, опрошенные

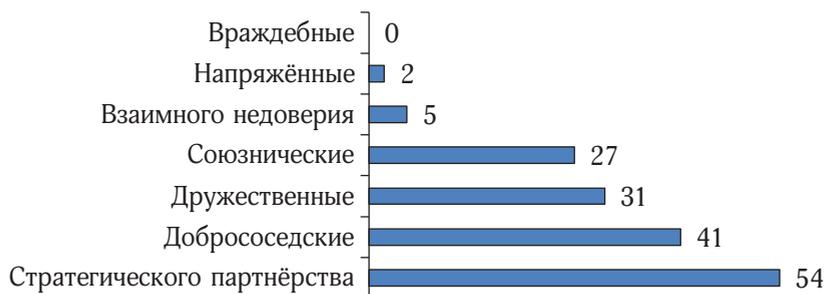

Рис. 4. Оценка качественного состояния российско-китайских отношений (в процентах от числа опрошенных, возможно несколько ответов)

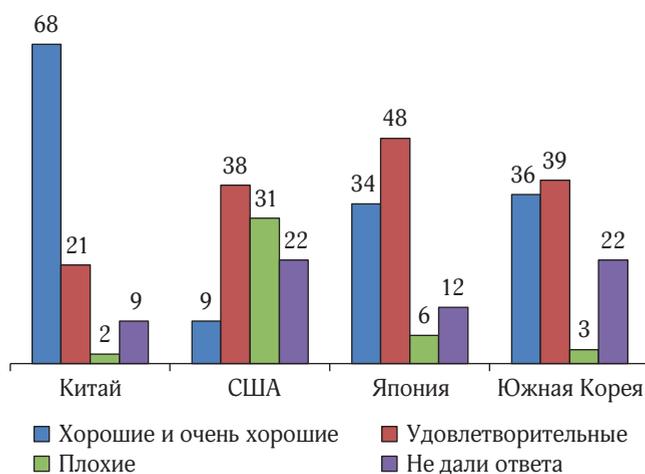

Рис. 5. Оценка перспектив отношений России со странами АТР (в процентах от числа опрошенных)

смотрят с бóльшим скепсисом. Наиболее оптимистично оценивают будущее отношений с КНР жители Приморского края (72%), наименее — камчадалы (58%). Самыми большими скептиками показали себя, опять же, молодые люди до 20 лет: только 54% из них признали будущее российско-китайских отношений *хорошим*.

Оценка перспектив отношений с тем или иным государством мира, безусловно, влияет на ответы респондентов на следующий вопрос анкеты: «С какими странами и районами мира Вашей территории следует развивать отношения?». Китай лидирует среди зарубежных государств и делит первое-второе место с *сибирскими и дальневосточными территориями*. За первостепенное развитие отношений с КНР высказалась ровно половина опрошенных (рис. 6). Япония набрала 44% голосов, Южная Корея — 32%, тогда

Рис. 6. Приоритетные страны и территории для развития отношений (не более трёх стран, в процентах от числа опрошенных)

как за первоочередное развитие отношений с европейскими государствами и США высказались не более 8% респондентов⁴.

При выборе приоритетов экономического взаимодействия очень важную роль играет место жительства респондентов (рис. 7). КНР в абсолютном приоритете для пограничного с ним Приморского

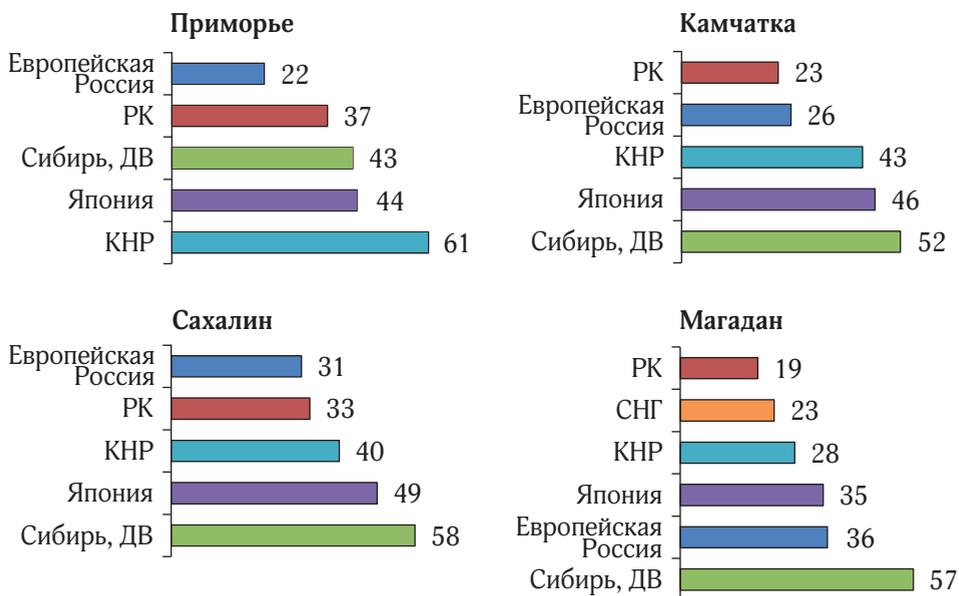

Рис. 7. Приоритеты для развития отношений (по территориям)

⁴ В масштабе России приоритеты несколько иные. В июле 2017 г., отвечая на вопрос: «Сотрудничество с какими из этих стран сейчас важнее всего для российской экономики?», 20% назвали США и только 14% — Японию. Но вот за Китай высказались 48%, практически столько же, сколько в зоне нашего опроса [10].

края (61%). В то же время на Камчатке за китайское направление высказались 43% опрошенных, на Сахалине — 40%, а в Магадане только 28%. Для данных трёх субъектов РФ главным направлением развития отношений являются *сибирские и дальневосточные территории* (52, 58 и 57% соответственно). Каких-то заметных различий в этом вопросе по гендерному и возрастному принципам не обнаруживается.

Не менее важную роль в определении приоритетных партнёров играет то, насколько глубоко респонденты ощущают выгоду от экономического сотрудничества с тем или иным государством или регионом. В наибольшей степени выгоду от взаимодействия с Китаем видят жители Приморья (47%), в наименьшей — Магадана (только 30%). На Камчатке и Сахалине таких респондентов по 37%. Не замечает никакой выгоды приблизительно 1/4 дальневосточников. При этом наибольший скептицизм проявили жители приграничных Краскино и Пограничного (рис. 8). Немалая часть респондентов не смогла дать ответ.

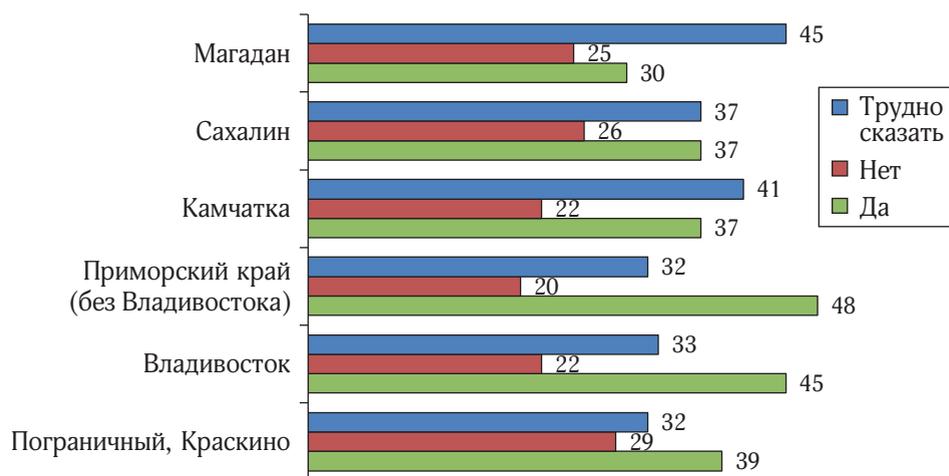

Рис. 8. Ощущение выгоды от развития российско-китайского экономического сотрудничества (по территориям, в процентах от числа опрошенных)

Поскольку экономическое взаимодействие связано с движением через российско-китайскую границу денег, товаров и рабочей силы, будет уместно посмотреть на отношение дальневосточников к этим аспектам двустороннего сотрудничества.

К инвестициям из КНР жители региона относятся неоднозначно (рис. 9). Настороженно и негативно воспринимают их 38% опрошенных (27% *опасаются* и 11% *против*), а поддерживает 41%. Самый высокий уровень поддержки обнаруживается во Владивостоке, настороженности — в Магадане и на Камчатке.

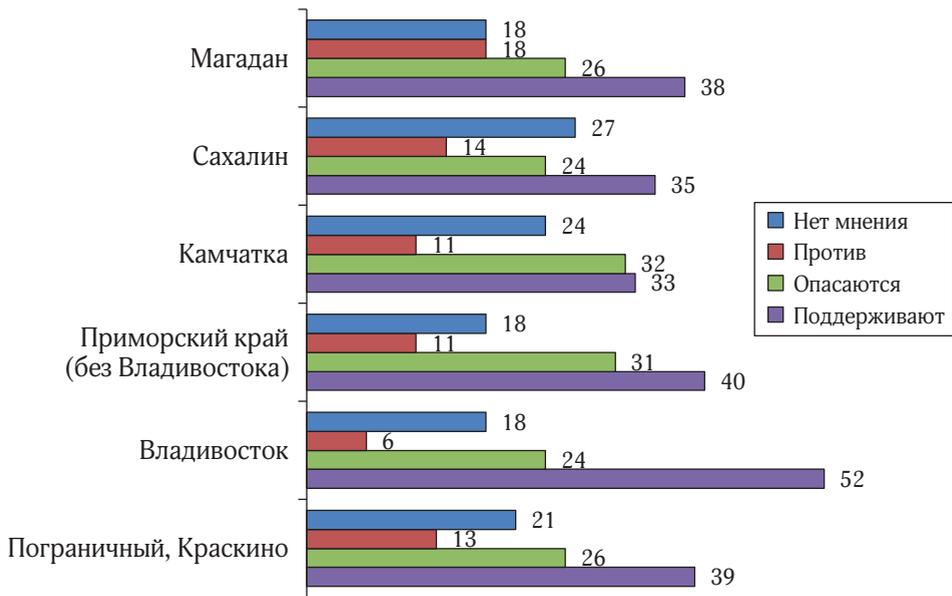

Рис. 9. Отношение к китайским инвестициям (по территориям, в процентах от числа опрошенных)

Среди опрошенных *руководителей* отношение к китайским инвестициям столь же неоднозначное: *поддерживают* 56%, *опасаются* 29%, выступают *против* 8%. Но вот без малого 3/4 (73%) *предпринимателей* капиталы из Китая приветствуют, а *опасаются* и выступают *против* них по 11%.

Главные барьеры к росту китайских инвестиций в регионе его жители видят на российской стороне: *бюрократические препятствия* (48%), *несовершенство правовой базы* (38%) и *пассивность российской стороны* (21%). В *отсутствии выгоды для китайских бизнесменов* как причине их пассивности убеждены 16% опрошенных, в *пассивности китайской стороны* — 5% и в *несовершенстве правовой базы КНР* — 4%. Критичнее всего *бюрократические препятствия* и *несовершенство правовой базы РФ* оценивают жители Владивостока (55 и 49%) и *предприниматели* (64 и 49%); в *пассивности российской стороны* более всего убеждены в Пограничном/Краскино (31%) и опять же *предприниматели* (35%).

Ещё один критерий для выбора экономического партнёра — оценка качества китайских товаров. В среднем по региону 3/5 опрошенных (61%) считают его *средним*; немногим меньше 1/3 (30%) — *низким*. При этом оценки по территориям, хотя и не сильно, но разнятся, что, видимо, связано как с уровнем жизни населения, так и с источниками его снабжения. Как *низкокачественные* китайские

товары обозначили 36% камчадалов и 34% сахалинцев, тогда как во Владивостоке такую оценку дали 23% респондентов. Женщины несколько чаще говорят о *низком* качестве китайских товаров, чем мужчины (34 против 30%), среди *предпринимателей* самый высокий процент тех, кто указывает качество китайских товаров как *среднее* (70%).

Наконец, для общей оценки экономической составляющей российско-китайских отношений имеет значение и взгляд дальневосточников на трудовые ресурсы из КНР. Около 1/4 опрошенных отрицательно относится к пребыванию на территории РФ китайских рабочих (28%), торговцев (26%) и предпринимателей (25%).

Сопоставление с результатами исследования 2003 г., когда респондентам на юге Дальнего Востока задавались аналогичные вопросы, демонстрирует положительную динамику (рис. 10). Терпимее всего дальневосточники стали относиться к китайским рабочим, прежде всего потому, что их осталось в регионе немного, но в отношении предпринимателей и торговцев настороженность сохраняется.

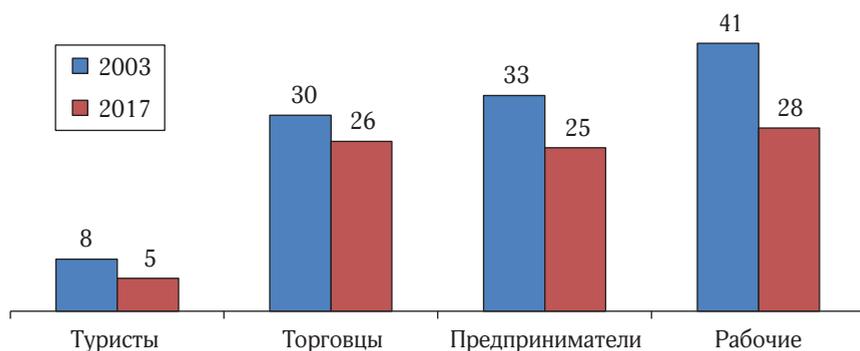

Рис. 10. Отрицательное отношение к пребыванию китайских туристов, торговцев, предпринимателей и рабочих в России (в процентах от числа опрошенных, 2003 и 2017 гг.)

Немалую роль в развитии двусторонних отношений и восприятии россиянами Китая и китайцев играют прямые контакты между жителями соседних государств, расширяющиеся год от года.

В 2017 г. только 5% дальневосточников признались, что никогда не встречались и не общались с китайцами. Даже на далёких от КНР Камчатке и Сахалине, а также в Магадане таковых оказалось не более 10%, а в Приморье — всего 2%. 3/4 (72%) встреч происходит на рынках и в магазинах, а 1/4 (24%) — на улицах в РФ; половина респондентов общалась с китайцами во время поездок в КНР; 1/5 (20%) — по рабочим и учебным вопросам.

58% респондентов хотя бы раз побывали в Китае. Но эти цифры не отражают реальную картину, поскольку интенсивность поездок россиян в КНР во многом зависит от места их проживания. В Приморском крае только 21% опрошенных ни разу в жизни не были в КНР, тогда как среди магаданцев таких уже 30%, сахалинцев — 32%, а камчадалов — 39%. Данные цифры много выше, чем в регионах Сибири и, тем более, Европейской России. При этом для Приморского края характерна высокая частота поездок: за последние 10 лет каждый четвёртый (24%) его житель был в Китае более 5 раз, ещё столько же (23%) — от 3 до 5 раз, а жители северных территорий ограничивались в основном одним-двумя визитами.

Даже среди молодёжи в возрасте до 20 лет хотя бы раз в жизни побывали в Китае 42% опрошенных, а 12% из них уже посещали эту страну более 5 раз. Среди *руководителей* никогда не ездили в КНР только 23%, а среди *предпринимателей* — 22%. Мужчины и женщины посещают КНР с одинаковой интенсивностью, а доля хотя бы раз побывавших в этой стране возрастает по мере взросления респондентов.

КИТАЙ КАК ВЫЗОВ И УГРОЗА ИНТЕРЕСАМ И БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Многие зарубежные и некоторые российские исследователи, журналисты и политики усиленно пытаются доказать, что растущий Китай представляет собой главную угрозу интересам и безопасности России на Тихом океане [3; 17; 19; 21; 22; 23; 24]. В ряде вопросов анкеты эта тема рассматривается под разными углами зрения, с большей или меньшей степенью абстракции и конкретизации.

Ответы на общий вопрос: «*Какие факторы порождают главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане?*» — убедительно свидетельствуют: *рост экономической и военной мощи Китая* оказался на последнем месте среди идентифицированных в анкете угроз, набрав 17% (рис. 11).

Территориальный срез выявляет некоторые нюансы в оценке *китайской угрозы*. Более всего *увеличения китайской мощи* опасаются во Владивостоке (23%), наименее — на удалённом от КНР Сахалине и в пограничных с ней посёлках Приморья — Краскино и Пограничном (по 12%). *Рост численности иностранных мигрантов* воспринимают как угрозу в первую очередь на Сахалине, Камчатке и в Магадане (от 32 до 30%), а меньше всего — в Пограничном

Рис. 11. Главные угрозы безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане (не более трёх ответов, в процентах от числа опрошенных)

и Краскино (13%), где китайских мигрантов видят во много раз чаще, чем на «северах».

Мужчины озабочены *ростом экономической и военной мощи Китая* в заметно большей степени, чем женщины (21 и 14%). Наименьшие опасения проявляют молодые люди до 20 лет (9%), в то время как среди *руководителей и предпринимателей* таковых обнаруживается 25 и 24%.

Ретроспективный взгляд на эту проблему, основанный на предшествующих опросах, показывает существенное снижение значимости китайского фактора среди угроз безопасности РФ, который долгое время отождествлялся не столько с ростом экономической и военной мощи КНР, сколько с китайской миграцией на Дальнем Востоке России (рис. 12).

Однако ответы на следующий, уже прямо поставленный вопрос о существовании угроз России со стороны Китая позволяют предположить, что как минимум половина респондентов в эти угрозы верит (рис. 13).

Территориальная угроза со стороны КНР по-прежнему считается самой реальной. Почти половина (46%) опрошенных полагают, что Китай угрожает *территориальной целостности* России, треть (33%) — её *экономическому развитию*. В посягательстве на *территориальную целостность* РФ подозревают китайцев 53% респондентов Магадана, 52% — Пограничного/Краскино, 50% — Камчатки и 44% — Владивостока. Сахалинцы думают об этом заметно

Рис. 12. Динамика оценки главных угроз безопасности России и её дальневосточным территориям на Тихом океане (2010—2017 гг., не более трёх ответов, в процентах от числа опрошенных)

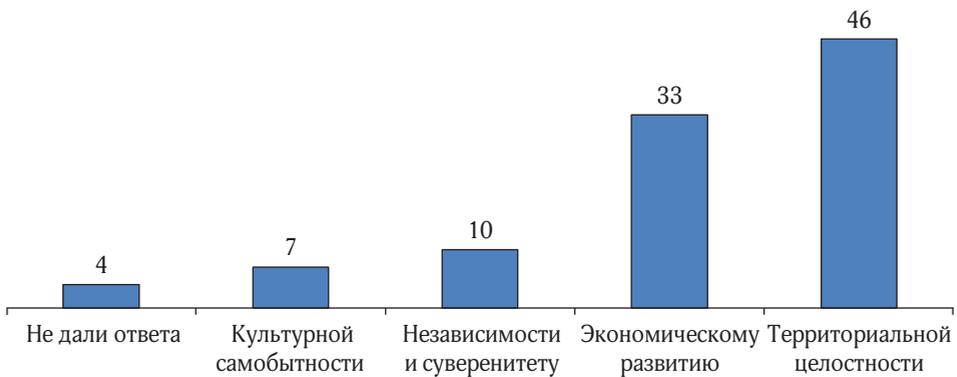

Рис. 13. Угрозы России со стороны Китая (в процентах от числа опрошенных)

меньше (34%). Угрозу территориальной целостности России со стороны КНР видят 58% 50-летних и 51% 20-летних респондентов. *Руководители* в данном вопросе самые скептические, но и среди них 38% предполагают наличие угрозы *территориальной целостности* России от КНР.

Интересно, что из всех категорий респондентов *угроза экономическому развитию* РФ со стороны Китая менее всего пугает *предпринимателей* (24%), демонстрируя в значительной степени эмоциональный характер осознания таких «угроз».

Более трети (37%) дальневосточников также согласны с тезисом о *современной экспансии Китая на Дальнем Востоке*. Практически столько же (34%) затруднились с ответом, а не разделяют это утверждение 27%. Сомневающимся приблизительно поровну на всех территориях, признающих экспансию больше на Камчатке (46%) и в Магадане (47%), а меньше во Владивостоке (30%) и на Сахалине (31%). 2/3 (67%) самых молодых респондентов затруднились с ответом на этот вопрос, тогда как по другим возрастным категориям убежденность в наличии экспансии возрастает по мере взросления (от 30% у 20-летних до 44% у 50-летних) и падает до 38% у лиц старше 60 лет.

При этом рассуждают респонденты преимущественно об экспансии экономической, демографической и территориальной (от 17 до 20% признающих факт экспансии), тогда как о политической и культурной говорят буквально единицы (2 и 3%).

Таким образом, и эта часть опроса, посвящённая теме безопасности, позволяет вычленивать сегмент, составляющий приблизительно 20—25% населения региона и воспринимающий Китай преимущественно как угрозу. Данные выводы подтверждаются результатами опросов ВЦИОМ на тему угроз безопасности РФ, проведённых в октябре 2015 г. и мае 2016 г., которые выявили на территории Дальневосточного федерального округа от 28 до 32% граждан, верящих в наличие угрозы России со стороны Китая, причём от 6 до 10% считали эту угрозу небольшой [13]. Около 1/3 жителей региона можно отнести к числу не определившихся.

УСЛОВИЯ ДЛЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Помимо политической и экономической составляющих в отношениях РФ и КНР неизбежно присутствует культурно-цивилизационный контекст, который имеет важное психологическое и коммуникативное значение. Проявляется он в самом восприятии китайцев, в готов-

ности к межкультурному диалогу с ними, а формируется в немалой степени теми источниками информации и знаниями о соседней, но во многом иной культуре, которыми россияне обладают.

Начнём с того, какими типичными человеческими чертами дальневосточники наделяют себя и своих азиатских соседей.

Китайцев они считают, прежде всего, *трудолюбивыми* (мнение 64% респондентов), *предприимчивыми* (так считают 52%) и *хитрыми* (39%)⁵. Японцев — *вежливыми* (62%), *трудолюбивыми* (53%) и *ответственными* (38%). Корейцев — *трудолюбивыми* (43%), *вежливыми* (28%) и *предприимчивыми* (23%). Сложнее дело обстоит с самооценкой. Себя русские считают, прежде всего, *щедрыми* (52%), а вот с определением прочих качеств многие затрудняются.

На рис. 14 представлены характеристики, которыми респонденты наделяют китайцев и себя. Как видно из диаграммы, различий много больше, чем совпадений.

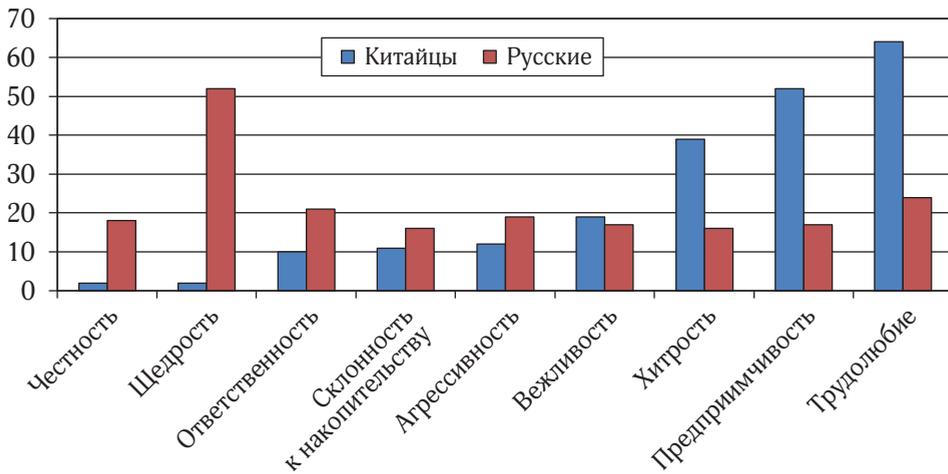

Рис. 14. Наиболее типичные черты китайцев и русских в представлении жителей Дальнего Востока (не более трёх черт для каждого народа, в процентах от числа опрошенных)

Осознание культурных различий с жителями Восточной Азии неизбежно порождает у россиян определённый дискомфорт в общении с ними. Изредка муслировавшиеся зарубежными исследователями ксенофобия и шовинизм русских [15; 18] побудили включить в исследование вопрос: «*Ощущаете ли Вы чувство превосходства над китайцами?*». И ответы респондентов опровергают навязываемое извне представление. Только 17% респондентов признались

⁵ Эти же черты доминировали в тех представлениях дальневосточников о китайцах, которые были выявлены в ходе опросов 1997–2008 гг. [См.: 8, с. 137].

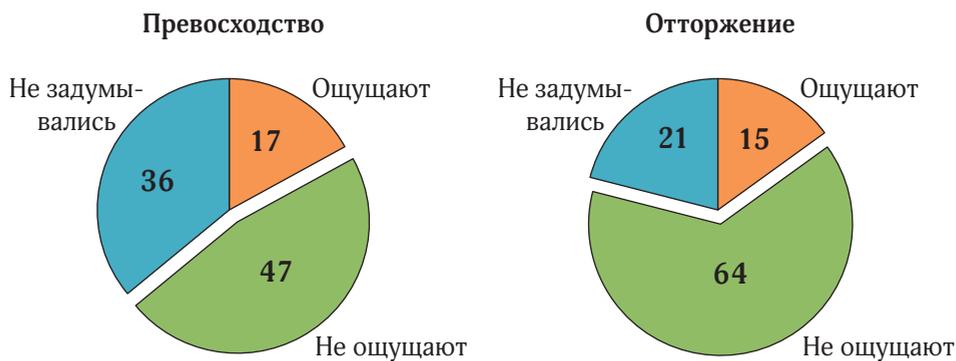

Рис. 15. Ощущаете ли Вы чувство превосходства над китайцами и отторжения при встрече с ними? (В процентах от числа опрошенных)

в наличии данного чувства, около половины (47%) не ощущают его, 36% не задумывались об этом (рис. 15).

Близки к этим результатам ответы респондентов на вопрос о наличии или отсутствии у них *чувства отторжения по отношению к китайцам*. Только 15% подтвердили его существование. Около 2/3 (64%) данного чувства не испытывают. Остальные просто об этом не задумывались. Наиболее радикальна молодёжь: каждый четвёртый респондент до 20 лет и 22% опрошенных в возрасте от 20 до 30 лет признались в наличии *чувства превосходства* в отношении китайцев, 23 и 19% — в *отторжении*.

4 из 5 (80%) обнаруживших в себе *чувство отторжения* по отношению к китайцам объясняют его непривычными *манерами поведения* жителей Поднебесной. *Язык и внешний вид* имеют значение для каждого пятого (20%) из респондентов этой группы, а 1/4 из них (27%) признались в подсознательном неприятии китайцев.

Для сравнения отметим: исходя из результатов опросов 2003 и 2008 гг., *чувство превосходства* над китайцами испытывали тогда 29 и 28% жителей региона, 38 и 30% — не испытывали его, 32 и 34% — не задумывались об этом. *Чувство отторжения* было у 34% в 2003 г. и 29% в 2008 г. [8, с. 139]. Очевидно, что за прошедшие годы осуществилась определённая культурная адаптация дальневосточников к их азиатским соседям.

В положительную сторону изменилось и отношение россиян к межнациональным бракам. Если в 1997—2008 гг. от 40 до 50% опрошенных негативно рассматривали возможный союз своих родственников с китайцами [8, с. 145], то в 2017 г. таких оказалось только 23%. Более половины респондентов (55%) считает, что выбор партнёра — личное дело каждого человека.

Эффективность межкультурных коммуникаций в немалой степени зависит от степени знакомства людей с реалиями соседней страны, её историей, культурой, современной политикой. Простейшее средство для выявления этой степени — идентификация исторических личностей. Следующая таблица (табл. 3) показывает, насколько хорошо респонденты знакомы с историческими и современными персонажами Китая.

Таблица 3

**Правильная идентификация выдающихся личностей Китая
(в процентах от числа опрошенных по территориям и категориям)**

	Дэн Сяопин (политик)	Конфуций (философ)	Мо Янь (писатель)	Си Цзиньпин (политик)	Цинь Шихуан (император)
Средний по региону	62	83	27	56	39
Приморье (без Владивостока)	55	80	21	50	33
Владивосток	71	88	29	65	44
Камчатка	59	82	26	51	39
Сахалин	60	80	35	57	40
Магадан	64	87	27	53	42
Руководители	79	92	38	74	48
Предприниматели	59	86	32	62	38
Эксперты	92	99	46	86	60

В целом жители Тихоокеанской России демонстрируют достаточно высокий базовый уровень осведомлённости о соседней стране. Владивосток чуть лучше разбирается в этих вопросах, результаты по остальным территориям примерно одинаковы. Лучше всего владеют информацией *руководители* и, естественно, та категория респондентов, которые были определены как *эксперты*. *Предприниматели* на общем фоне не выделяются. Особых возрастных отличий, за исключением, опять же, некоторой политической малограмотности самых молодых (Дэн Сяопина идентифицировали 35%, а Си Цзиньпина — 28% из них), не обнаруживается.

Закономерно, что самый узнаваемый персонаж у россиян — Конфуций; Дэн Сяопин пока более известен, чем Си Цзиньпин; идентификация Цинь Шихуана (39%) и Мо Яня (27%) в какой-то степени является приятной неожиданностью. Для сравнения: в 2008 г. Цинь Шихуана называли правильно императором 24%, а Дэн Сяопина — политиком 49% респондентов [8, с. 135]. Прогресс в изучении дальневосточниками Китая хотя бы на базовом уровне очевиден.

Другое важное условие для межкультурной коммуникации — язык. О том, что они *владеют китайским языком*, сообщили

5% респондентов, хотя уровень владения, безусловно, различается очень сильно: от нескольких фраз до свободного разговорного и знания иероглифики. Почти столько же респондентов сообщили о знании японского (3%) и корейского (2%), но их всё равно значительно меньше тех, кто владеет (опять же, на разном уровне) английским (42%). Важнее, что *изучить китайский язык* хотел бы каждый пятый опрошенный (21%), это чуть больше желающих овладеть японским (18%), в два с лишним раза превышает количество стремящихся выучить корейский (9%), но в полтора раза меньше нацелившихся на английский (32%). Самый большой процент желающих выучить китайский — 44% от числа опрошенных — в приграничных с КНР посёлках Краскино и Пограничный, наименьший (11%) — на Сахалине (рис. 16).

Рис. 16. Отношение к изучению китайского языка (в процентах от числа опрошенных, по территориям)

Интересно, что самая большая доля желающих выучить китайский язык (32%) оказалась среди *предпринимателей*, ровно столько же из них хотят изучить английский, 27% — японский.

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ ТИХООКЕАНСКОЙ РОССИИ О КИТАЕ И КИТАЙЦАХ

Качество источников информации, из которых жители региона черпают сведения о КНР, во многом определяет и суть, и внешние проявления отношения к этой стране. Если брать общий срез по всем охваченным опросом территориям, то двумя главными источниками для респондентов выступают *поездки в Китай* и *телевидение* (по 47%). За ними следуют *интернет* (41%) и *общение с китайцами в России* (37%).

Однако значение источников неодинаково по группам респондентов и территориям. Для *предпринимателей и руководителей* абсолютным приоритетом являются *поездки в Китай* (73 и 69%), им значительно уступают *общение с китайцами в России* (59 и 44%), *интернет* (по 46%) и *телевизор* (38 и 40%). Для молодёжи главный источник — *интернет* (56% респондентов до 20 лет и 60% — от 20 до 30 лет), лица старше 60 лет полагаются на *поездки в Китай* и *телевизор* (50 и 46%), тогда как *интернет* служит подспорьем лишь для каждого пятого из них (21%).

Самый важный источник для жителей Владивостока (как и Приморья в целом) — *собственные поездки в Китай*: 70% горожан указали на него. Это не удивительно, поскольку, по данным опроса, только 19% владивостокцев ни разу не были в КНР, а каждый четвёртый из опрошенных (25%) в последние 10 лет ездил туда более 5 раз. На северных территориях главными источниками информации являются *телевидение* (от 51% в Магадане до 61% на Камчатке) и *интернет* (41—45%). Радио, газеты, научные издания и школьные знания присутствуют практически в равной и незначительной степени на всех территориях (рис. 17). Аудитория радио и печатных СМИ не превышает 10%.

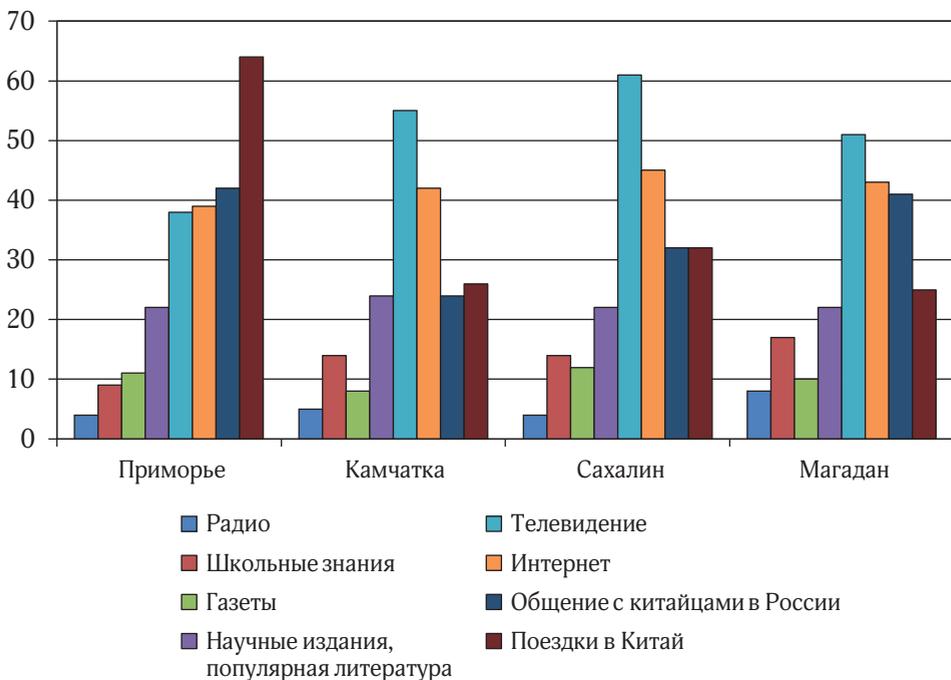

Рис. 17. Источники информации о Китае (в процентах от числа опрошенных)

Общую тональность публикаций и репортажей российских СМИ о Китае опрошенные сегодня считают *позитивной* или, по крайней мере, *беспристрастной*, при этом ответы, даваемые жителями на разных территориях Дальнего Востока, отличаются незначительно. Выше всего оценили качество информации о КНР *руководители*: 70% назвали её *позитивной*. Немногим больше 1/3 опрошенных на каждой из территорий не смогли определить качество информации, а *негативной* её посчитали от 0% в Магадане до 4% на Сахалине. Такая общность мнений объясняется просто: местные СМИ играют в информировании населения о Китае (как и внешнем мире в целом) очень незначительную роль, и все жители региона получают единые сведения через центральное телевидение и глобальную сеть, интерпретируя воспринятое в зависимости от собственных взглядов.

Сравнение с результатами опроса 2003 г. [8, с. 47] показывает, насколько сильно изменилось мнение респондентов о характере представления Китая российскими СМИ за последние полтора десятилетия (рис. 18).

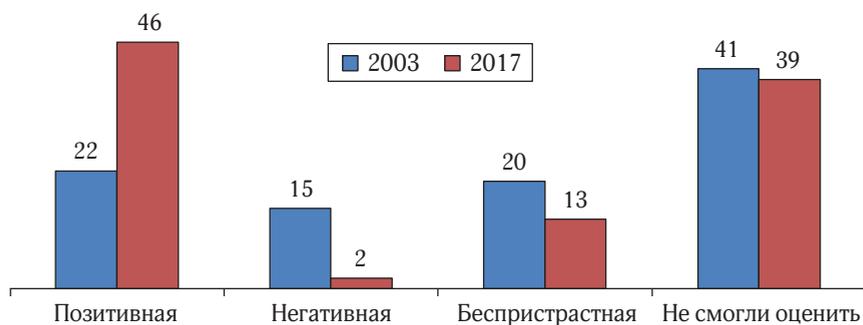

Рис. 18. Оценка тональности информации российских СМИ о Китае (2003 и 2017 гг., в процентах от числа опрошенных)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В целом можно констатировать, что в охваченной опросом Тихоокеанской России существует благоприятная информационная и психологическая среда для дальнейшего развития отношений РФ и КНР. Жители региона в большинстве своём адекватно оценивают современное состояние взаимодействия с Китаем, оптимистично смотрят на его перспективы. Значительная часть населения,

особенно способные влиять на принятие политических и экономических решений на местном уровне *руководители и предприниматели*, считает китайское направление приоритетным для развития внешних связей своих территорий. Большинство дальневосточников высоко оценивают личные качества китайцев (трудолюбивые, предприимчивые, хотя и хитрые), не испытывают дискомфорта при общении с гражданами КНР и ведении с ними каких-либо дел.

Степень адаптивности дальневосточников к Китаю и их способность взаимодействовать с ним за последние два десятилетия заметно выросла. Очевидно, что у жителей региона присутствует настрой на изучение и большее понимание этой страны, особенно заметный на уровне *руководителей и предпринимателей*, которых сама жизнь заставляет познавать КНР.

В то же время было бы значительным преувеличением заявлять о существовании прокитайских настроений в регионе. В ответах достаточно ясно выражен патриотический настрой дальневосточников (симпатии в первую очередь к своей стране, желание большинства жить и работать в России), а Китай по уровню общих симпатий уступает Японии и находится приблизительно на одном уровне с рядом других государств. Прагматичное желание дальневосточников иметь дружественные и добрососедские отношения с КНР, активно развивать с ней экономические связи, убрать различные российские бюрократические барьеры, мешающие этому, не заставляет жителей региона забывать о глубоких культурно-цивилизационных отличиях, исторических коллизиях и подводных камнях двустороннего взаимодействия, не мешает им думать о потенциальных вызовах, которыми чреваты для РФ новые геополитические реалии и изменение глобального статуса КНР.

Вполне закономерно поэтому, что существует достаточно чётко выраженный и устойчивый сегмент, составляющий от 20 до 25%, который воспринимает Китай как *угрозу*, настороженно и частью отрицательно относится к развитию двусторонних отношений, испытывает психологический дискомфорт в общении с китайцами.

Безусловно, на взгляд жителей Тихоокеанской России на КНР и граждан этой страны сильное влияние оказывает географический фактор. Приморцы имеют более благоприятные возможности для посещения Китая, хорошо развитые экономические связи и гуманитарные контакты с ним. Поэтому они в большей степени, чем население северных территорий, ориентированы на экономическое взаимодействие с КНР, значительно лучше к нему адаптированы.

Также очевидно, что гендерные и возрастные различия слабо сказываются на восприятии Китая и китайцев жителями региона. К примеру, некоторое преобладание женщин среди респондентов Сахалина если и отражается на результатах, то в очень малой степени. Определённые нюансы, безусловно, присутствуют, но они не имеют принципиального характера и, как нам представляется, не влияют на формирование китайской российской политики.

Поскольку последние специализированные исследования об отношении граждан РФ к КНР и китайцам в масштабе страны проводились уже более 10 лет назад [5, с. 288—339], а наши опросы показывают немалые изменения во взглядах дальневосточников, произошедшие за эти годы, трудно проецировать полученные результаты на всю Россию. Если, как показывают целенаправленные изыскания ФОМ и ВЦИОМ, оптимистичная оценка характера отношений РФ и КНР и ориентация на Китай как наиболее важного партнёра для экономического взаимодействия типичны для всей страны [10; 13], то по многим другим параметрам (исходя из результатов прошлых опросов) взгляды могут расходиться, и весьма значительно. Но доказать или опровергнуть это предположение могут только исследования, проведённые в масштабах всей России.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Гельбрас В.Г. Китайская реальность России. М.: Муравей, 2001. 320 с.
2. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М.: Муравей, 2004. 203 с.
3. Греков Я. Китай нападёт на Россию через 5 лет. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kitaj-napadet-na-Rossiyu-cherez-5-let> (дата обращения: 02.04.2018).
4. Дятлов В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске). М.: Наталис, 2000. 190 с.
5. Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. 512 с.
6. Ларин А.Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 111—123.
7. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Восточная Азия в общественном мнении Тихоокеанской России (по итогам опроса 2013 г.) // Россия и АТР. 2014. № 2. С. 5—19.
8. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Окружающий мир глазами дальневосточников: эволюция взглядов и представлений на рубеже XX—XXI веков. Владивосток: Дальнаука, 2011. 325 с.

9. Ларин В.Л., Ларина Л.Л. Экспертное сообщество Тихоокеанской России о внешней политике, международных отношениях и развитии Дальнего Востока (по итогам опроса 2014—2015 гг.) // Россия и АТР. 2016. № 1. С. 5—29.
10. О России и странах мира. URL: <http://fom.ru/Mir/13624> (дата обращения: 26.03.2018).
11. Понкратова Л.П., Забияко А.П., Кобызов Р.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / под ред. А.П. Забияко. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 412 с.
12. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
13. Угрозы со стороны государств и организаций России. Китай. URL: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1077&q_id=74757&date=15.05.2016 (дата обращения: 26.03.2018).
14. Alexseev M. Chinese Migration in the Russian Far East: Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorsky Krai // *Russia's Far East*. Seattle and London, 2002. 334 p.
15. Alexseev M., Hofstetter C. Russia, China, and the immigration security dilemma // *Political Science Quarterly*. 2006. No. 1. P. 1—32.
16. Alexseev M. Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East // *Post-Soviet Geography and Economics*. 2001. Vol. 42. P. 95—111.
17. Bolton K.R. Russia and China: An Approaching Conflict? // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2009. No. 2. P. 154—194.
18. Du Ruoxi. Anti-Chinese Sentiment in Russia: Threats of “Chinese Invasion” or Fears of Russian Xenophobia // *Laird Essay Competition 2012*. URL: https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/14947/LairdEssay_Du.pdf;sequence=1 (дата обращения: 26.03.2018).
19. Kim I. Selling Off Siberia. Why China should Purchase the Russian Far East. URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/foreigners/2003/07/selling_off_siberia.html (дата обращения: 02.04.2018).
20. Larin V., Rubtsova A. At the Crossroads: Russian-Chinese Border Interactions // *Caught in the Middle. Border Communities in an Era of Globalization*. Washington, 2001. P. 228—259.
21. Piontkovsky A. China's Threat to Russia. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-threat-to-russia> (дата обращения: 02.04.2018).
22. Pirchner H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century // *Demokratizatsiya*. 2008. No. 4. P. 314—317.
23. Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East // *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*. 2008. No. 2. P. 145—204.
24. Țirnovăanu D. Russia, China and the Far East Question: Are there any Chinese 49ers around? // *The Diplomat*. 2016, January 20. URL: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/> (дата обращения: 26.03.2018).

25. 拉林娜 俄远东地区民众对俄国家政策、 远东发展以及俄中关系的态度——基于2014—2015年问卷调查结果 = Ларина Л.Л. Жители российского Дальнего Востока о политике России, развитии Дальнего Востока и российско-китайских отношениях: на основе результатов опроса 2014—2015 гг.) // 西伯利亚研究 = Исследование Сибири. 2015. № 5. С. 86—87.

REFERENCES

1. Gel'bras V.G. *Kitajskaja real'nost' Rossii* [China's Reality for Russia]. Moscow, Muravej Publ., 2001, 320 p. (In Russ.)
2. Gel'bras V.G. *Rossija v uslovijah global'noj kitajskoj migracii* [Russia in the Focus of Chinese Global Migration]. Moscow, Muravej Publ., 2004, 203 p. (In Russ.)
3. Grekov Ja. *Kitaj napadet na Rossiju cherez 5 let* [China Will Attack Russia in Five Years]. Available at: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Kitaj-napadet-na-Rossiju-cherez-5-let> (accessed 02.04.2018). (In Russ.)
4. Djatlov V.I. *Sovremennye trgovye men'shinstva: faktor stabil'nosti ili konflikta? (Kitajcy i kavkazcy v Irkutske)* [Contemporary Trade Minorities: A Factor of Stability or Conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk)]. Moscow, Natalis Publ., 2000, 190 p. (In Russ.)
5. Larin A.G. *Kitajskie migranty v Rossii. Istorija i sovremennost'* [Chinese Migrants in Russia. History and Today]. Moscow, Vostochnaja kniga Publ., 2009, 512 p. (In Russ.)
6. Larin A.G. Rossijsko-kitajskie otnoshenija i kitajskie migranty v ocenke rossijan [Russian-Chinese Relations and Chinese Migrants Viewed by Russians]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2008, no. 5, pp. 111—123. (In Russ.)
7. Larin V.L., Larina L.L. Vostochnaja Azija v obshhestvennom mnenii Tihookeanskoj Rossii (po itogam oprosa 2013 g.) [East Asia in Public Opinion in Russia's Pacific (According to the Survey in 2013)]. *Rossija i ATR*, 2014, no. 2, pp. 5—19. (In Russ.)
8. Larin V.L., Larina L.L. *Okružhayushchii mir glazami dal'nevostočnikov: evolyutsiya vzglyadov i predstavlenii na rubezhe XX—XXI vekov* [Russia Far East View the World: the Evolution of People's Perceptions and Attitudes at the Turn of the 20—21st Centuries]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2011, 325 p. (In Russ.)
9. Larin V.L., Larina L.L. Ekspertnoe soobshchestvo Tihookeanskoj Rossii o vneshnei politike, mezhdunarodnykh otnosheniyakh i razvitii Dal'nego Vostoka (po itogam oprosa 2014—2015 gg.) [Pacific Russia's Expert Community about Foreign Policy, International Relations, and Far East Development (According to Survey Findings 2014—2015)]. *Rossija i ATR*, 2016, no. 1, pp. 5—29. (In Russ.)
10. *O Rossii i stranakh mira* [About Russia and the Countries of the World]. Available at: <http://fom.ru/Mir/13624> (accessed 26.03.2018). (In Russ.)
11. Ponkratova L.P., Zabyako A.P., Kobyzov R.A. *Russkie i kitajtsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke* [Russians and Chinese: Ethno-Migration Processes in the Far East / Edited by A.P. Zabyako]. Ed. by A.P. Zabyako. Blagoveshchensk, Amurskij gosudarstvennyj universitet Publ., 2009, 412 p. (In Russ.)

12. *Tikhookeanskaya Rossiya v integratsionnom prostranstve Severnoi Patsifiki v nachale XXI veka: opyt i potentsial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodeistviya* [Integrating Pacific Russia into the North Pacific region: experience and potential of regional and cross-border cooperation in the beginning of 21st century]. Ed. by V.L. Larin. Vladivostok, IIAE DVO RAN Publ., 2017, 386 p. (In Russ.)
13. *Ugrozy so storony gosudarstv i organizatsii Rossii. Kitai* [Threats toward Russia from Countries and Organizations. China]. Available at: https://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1077&q_id=74757&date=15.05.2016 (accessed 26.03.2018). (In Russ.)
14. Alexseev M. Chinese Migration in the Russian Far East: Security Threats and Incentives for Cooperation in Primorsky Krai. *Russia's Far East*. Seattle and London, 2002, 334 p. (In Eng.)
15. Alexseev M., Hofstetter C. Russia, China, and the immigration security dilemma. *Political Science Quarterly*, 2006, no. 1, pp. 1–32. (In Eng.)
16. Alexseev M. Socioeconomic and Security Implications of Chinese Migration in the Russian Far East. *Post-Soviet Geography and Economics*, 2001, vol. 42, pp. 95–111. (In Eng.)
17. Bolton K.R. Russia and China: An Approaching Conflict? *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2009, no. 2, pp. 154–194. (In Eng.)
18. Du Ruoxi. Anti-Chinese Sentiment in Russia: Threats of “Chinese Invasion” or Fears of Russian Xenophobia. *Laird Essay Competition 2012*. Available at: https://kuscholarworks.ku.edu/bitstream/handle/1808/14947/LairdEssay_Du.pdf;sequence=1 (accessed 26.03.2018). (In Eng.)
19. Kim I. *Selling Off Siberia. Why China should Purchase the Russian Far East*. Available at: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/foreigners/2003/07/selling_off_siberia.html (accessed 02.04.2018). (In Eng.)
20. Larin V., Rubtsova A. At the Crossroads: Russian-Chinese Border Interactions. *Caught in the Middle. Border Communities in an Era of Globalization*. Washington, 2001, pp. 228–259. (In Eng.)
21. Piontkovsky A. *China's Threat to Russia*. Available at: URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-s-threat-to-russia> (accessed 26.03.2018). (In Eng.)
22. Pirchner H. The Uncertain Future: Sino-Russian Relations in the Twenty-First Century. *Demokratizatsiya*, 2008, no. 4, pp. 314–317. (In Eng.)
23. Raiklin E. The Chinese Challenge to Russia in Siberia and the Russian Far East. *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 2008, no. 2, pp. 145–204. (In Eng.)
24. Tîrnoveanu D. Russia, China and the Far East Question: Are there any Chinese 49ers around? *The Diplomat*, 2016, January 20. Available at: <http://thediplomat.com/2016/01/russia-china-and-the-far-east-question/> (accessed 26.03.2018). (In Eng.)
25. 拉林娜 俄远东地区民众对俄国家政策、 远东发展以及俄中关系的态度——基于2014—2015年问卷调查结果 [Larina L.L. The People of the Far East about Russian Policy, the Development of the Far East and Russian-Chinese Relations: According to the Survey 2014—2015]. *西伯利亚研究*, 2015, no. 5, pp. 86–87. (In Chin.)